

Яков Михайлович Захер

ПОСЛЕДНИЕ РАБОТЫ

Статья опубликована в сборнике
«Исторические этюды о французской
революции (Памяти В.М.Далина)»
М., ИВИ РАН 1998.

Веб-публикация: сайт Юрия Карякина (СПб) «Великая французская революция»,
2001. Данный файл является копией. Ссылки на дополнительные материалы даны
редакторами сайта [Vive Liberta](http://vive-liberta.com), 2009

Работы Я.М.Захера в нашей библиотеке:

[Я.Захер. Теофиль Леклерк и его «Друг народа»](#)

[Я.Захер. Последний период деятельности Жака Ру](#)

[Я.Захер. «Бешеные», их деятельность и историческое значение](#)

[Я.Захер. Жан Варле во время якобинской диктатуры](#)

[Я.Захер. Дехристианизаторская деятельность фуше](#)

[Я.Захер. Жак Ру и якобинская конституция 1793 г.](#)

[Я.Захер. Парижские секции 1790-95 годов: политическая роль и организация](#)

[Я.Захер. Тюрго](#)

[Я.Захер. Сен-Жюст: жизнь, деятельность, идеология](#)

[Я.Захер. Робеспьер](#)

Личные архивы, видимо, тоже имеют биографию, и она воспроизводит в общих чертах судьбу личности, их оставившей. Яков Михайлович Захер был видным представителем первого поколения советских исследователей Великой французской революции, а именно по этим людям, их судьбам и самому направлению исследований особенно тяжело прошелся Молох репрессий 1936-1938 гг.¹ В числе немногих Я.М. пережил сталинское лихолетье. После двух десятилетий небытия он вернулся к творческой деятельности - к науке и преподаванию, увы очень ненадолго.

Нескольких дарованных судьбой лет (1956-1963) хватило ученому, чтобы войти в обновившуюся научную среду, установить диалог с отечественными коллегами, завязать интенсивные связи с иностранными специалистами - Альбером Собулем, Вальтером Марковым, Ричардом Коббом, Джорджем Рюде, - работы которых были наиболее заметным явлением того времени. На основе введенного ими в оборот нового фактического материала Я.М. удалось частично переработать и с учетом изменившихся подходов советской науки подготовить к изданию основные исследования, предпринятые в лучший творческий период - вторую половину 20-х годов.

Архив ученого пострадал сначала от его ареста в 1938 г. и от невзгод, обрушившихся на семью, потом к репрессиям добавилась война, блокада... После возвращения Я.М. и получения им жилья в Петергофе живая целостность архива стала восстанавливаться. К моменту кончины Я.М. 14 марта 1963 г. архив был в хорошем рабочем состоянии. Главную ценность представляли две полностью подготовленные к изданию монографии: о "бешеных" и о Шометте. Выступавший в роли душеприказчика Юрий Яковлевич Захер, человек науки (физиолог по специальности), глубоко преданный памяти отца и понимавший значение его работ, систематизировал и описал сохранившиеся рукописи. Он же пытался их опубликовать, к его усилиям присоединились мы с Вадимом Сергеевичем Алексеевым-Поповым. После обращения к руководству Института истории рукопись книги о "бешеных", по совету А.З.Манфреда, была передана в Институт. Здесь она исчезла бесследно. Это была первая потеря.

В 1976(?) г. внезапно умирает Юрий Яковлевич, после кончины которого разрушились связи, которые он все держал в своих руках. Архив, как я обнаружил во время приезда в Ленинград в 1979 г., оказался разрознен. У дочери Я.М.Наталии Яковлевны Соломинской (или Солонимской), на квартире которой умирал брат, хранились копии документов Archives Nationales. Это была лишь небольшая часть использовавшихся Я.М. материалов. В трудные годы семья Я.М. передала (продала) основной массив в Публичную библиотеку. На квартире Юрия Яковлевича, судя по грамоте о награждении отца Я.М. монгольским орденом, которую Инга Юрьевна как-то привезла мне в Москву, могли сохраниться документы о родителях Я.М. Однако монографий по заверению жены Юрия Яковлевича там не было.

Не оказалось их и в третьем месте, в Петергофе у Зои Ивановны Захер. Однако именно в этой части архива сохранились несколько работ, подготовленных к печати самим Я.М. Сохранился и составленный Юрием Яковлевичем "Список рукописей Я.М.Захера, возвращаемых в Петродворец 30.05.63 г." Рукописей монографий среди них не значилось. Бесследно исчезли, как я узнал в 1989

от Вальтера Маркова, и экземпляры рукописей о "бешеных" и Шометте, которые немецкий ученый и большой почитатель Я.М. предполагал издать в ГДР. Рукописи исчезли вместе с переводчицей, которая в известные годы перебралась в ФРГ.

О том, что из себя представляла монография о Шометте, сказать не берусь. Я видел ее лишь однажды в 1963 г. на довоенной квартире Я.М., где тогда проживала семья Юрия Яковлевича. Скорее всего это было частично переработанное издание книги 1930 г. "Анаксагор Шометт, антирелигиозник XVIII века".

О рукописи нового издания книги о "бешеных" судить легче, т.к. мы располагаем оглавлением:

Предисловие

Движение "бешеных"

Гл. I. Историография "бешеных"

Гл. II. Социальная база и предпосылки выступления "бешеных"

Гл. III. Этапы деятельности "бешеных"

Гл. IV. Мировоззрение "бешеных"

1. Историко-философские взгляды "бешеных"

2. Социально-экономические воззрения "бешеных"

3. Политические взгляды "бешеных"

Заключение

Жан Варле

Гл. I. Начало деятельности Варле

Гл. II. Варле в борьбе с Жирондой

Гл. III. Варле во время якобинской диктатуры

Гл. IV. Варле после 9 термидора

Теофиль Леклер

Гл. I. Начало деятельности Леклера. Леклер в борьбе с Жирондой

Гл. II. Леклер в борьбе с Горой

Гл. III. Конец деятельности Леклера

Клэр Лакомб

Гл. I. Начало деятельности Лакомб

Гл. II. Клэр Лакомб и клуб революционных республиканок

Гл. III. Конец деятельности Клэр Лакомб

Заметим, что в биографической части монографии отсутствует глава о Жаке Ру. Объясняется это тем, что материалы о нем Я.М. максимально включил в опубликованную в 1961 г. монографию "Движение "бешеных"", а на других деятелей "бешеных" у него не хватило места. Представленная первоначально в Соцэкиз рукопись была сокращена едва ли не на половину. Дело было, как можно предположить, не только в недостатке "листажа", но и в идеологической цензуре, о которой можно судить по фрагментам переписки Я.М. с издательством и, особенно, по сохранившемуся письму издательского редактора с обстоятельным "разбором" рукописи. В результате книга получилась не только сокращенной, но и изуродованной: без предисловия, введения и заключения. Урезанными оказались очерк историографии и глава о мировоззрении "бешеных". Все это Я.М. рассчитывал компенсировать 2-м изданием, которое, по его замыслу, должно было представлять второй том к "Движению "бешеных".

В то же время, не слишком полагаясь на благосклонность судьбы, он представил не вошедшую в монографию 1961 г. часть в виде ряда статей, в своем большинстве, к счастью, увидевших свет. Нижепубликуемые статьи, очевидно, являются последними в этом ряду; и основной смысл настоящего их издания видится в том, что, дополняя предыдущие, оно позволяет в какой-то мере воссоздать исследовательское пространство основателя дисциплинарного изучения "бешеных" на заключительном этапе его творческого пути.

Помогают публикуемые работы и в оценке эволюции Я.М. Дело в том, что у них (как и у работ, опубликованных ранее) имеются "прототипы" конца 20-х годов: "Клара Лакомб и клуб революционных республиканок 1793 года" (Проблемы марксизма. Л., 1928. Сб.1), "Жак Ру до падения Жиронды" (Под знаменем марксизма. 1928. № 12). Сопоставление может пролить некоторый свет на идеологический климат соответствующих периодов истории советской науки. Обращает, например, на себя внимание, что нижеследующая статья о "революционных республиканках" начинается цитатами из Ф.Энгельса, которых не было в издании 1928 г.

Публикуемые материалы подготовлены Я.М. в разной степени и имеют различную научную ценность. Наиболее заверченный вид имеет статья о "революционных республиканках". Ее научное значение полностью сохраняется, хотя следует учитывать соответствующие главы монографии австралийского историка Р.Б.Поуза (Rose R.B. The Enrages: Socialists of the French revolution? Carlton, 1965. P.56-72). Биография Жака Ру исчерпывающим образом разработана Вальтером Марковым, основной труд которого увидел свет после кончины Я.М. (Markov W. Die Freiheiten des Priesters Roux. В., 1967). Важна также диссертация ученого из США Мориса Славина

"Left of the Mountain: The Enrages and the French revolution", об исследованиях которого Я.М. знал, но которая при его жизни не увидела свет (см. Slavin M. The making of an insurrection: The Parisian sections and the Gironde. Cambridge (Mass.), L., 1986. P.127-141). Тем не менее нижеследующие материалы о раннем периоде деятельности лидера "бешеных" представляют историографический интерес, характеризую самого Я.М. и как исследователя, и как человека. Кроме того, книга Маркова, к сожалению, не была переведена на русский язык, и опыт показывает, что ее недостаточно знают даже специалисты.

Поскольку публикуемые работы в целом неплохо подготовлены для печати, правка касалась лишь опечаток и нескольких названий. Сноски приведены в существующую библиографическую норму.

В заключение хочу сказать доброе слово о двух замечательных женщинах, которые окружали Я.М. своим вниманием и заботой в последние годы жизни и сохранили память о нем. Зоя Ивановна Захер сберегла библиотеку, архив, вещи Я.М., до конца своей жизни поддерживая в квартире обстановку и духовный климат мемориала. А ее дочь Людмила Николаевна Русак, выполняя волю Зои Ивановны, передала мне часть находившихся в Петергофе книг и архива (кроме семейных фотоальбомов, тетради стихов Я.М. и подобных реликвий), благодаря чему и стала возможной настоящая публикация.

А.В.Гордон

ОБЩЕСТВО РЕВОЛЮЦИОННЫХ РЕСПУБЛИКАНОК 1793 г. и его БОРЬБА С ЯКОБИНЦАМИ

Если, по выражению Ф.Энгельса, "только плебеи" совершили Великую французскую буржуазную революцию², то вместе с тем нельзя не отметить, что женская часть плебейского населения французских городов сыграла в этом деле едва ли не много меньшую роль, чем часть мужская. И удивляться этому не приходится: как известно Энгельс еще в 1845 г. отметил "связь между большинством восстаний того времени и голодом"³, а между тем преобладающая часть забот по добыванию продуктов, связанная с необходимостью многочасового стояния в очередях, днем и ночью, в любую погоду ложилась именно на женщин. Конкретизируя мысль Энгельса, современный английский историк-марксист Джордж Рюде показал роль женщин в большей части массовых движений (так называемых *journees*) 1789-1795 гг.⁴, а французский историк-марксист Альбер Собуль ярко обрисовал их роль в массовых организациях парижских санкюлотов - секциях и секционных народных обществах⁵. Как известно, некоторые секционные общества (например, общества Свободных людей, Люксембурга, Французского Пантеона) официально допускали женщин в число своих членов; в остальных они присутствовали на заседаниях в числе допущенной публики и под этим видом принимали участие в прениях⁶.

Однако наиболее активная часть плебейских женщин Парижа этим не удовлетворялась, и в 1793 г. - году наивысшего подъема революции - с их стороны была сделана попытка создания чисто женской массовой организации. 22 февраля 1793 г. в Якобинский клуб явилась депутация гражданок из секции Четырех наций и потребовала предоставления им на следующий день помещения клуба для устройства собрания, посвященного вопросу о продовольствии⁷. В этом им было отказано, и в последующие дни и месяцы мы ничего не слышим о попытках подобного рода. Но это скорее всего объясняется недостаточностью источников по истории данного периода революции.

Лишь 10 мая "несколько гражданок являются в секретариат муниципалитета и в соответствии с законом о муниципальной полиции заявляют, что они намерены собраться и образовать общество, доступ в которое будет открыт одним только женщинам. Целью этого общества является обсуждение средств для предотвращения намерений врагов Республики. Оно будет носить название Общества революционных республиканок и будет собираться в библиотеке якобинцев на улице Сент-Оноре"⁸.

Точное число членов Общества революционных республиканок нам неизвестно. Впоследствии, весной 1794 г. Лемос (Le Mose) в своем доносе на Клэр Лакомб утверждала, что, хотя та и уверяла Комитет общей безопасности, будто бы в обществе состоит от трех до четырех тысяч человек, но, на самом деле, "будучи одной из последних принятых в общество, она (Лемос) была в нем 170-ой или что-то в этом роде"⁹.

До того, как переходить к истории деятельности Общества революционных республиканок, необходимо сказать хотя бы несколько слов о двух женщинах, ставших его руководительницами - Клэр Лакомб (Claire Lacombe) и Полине Леон (Pauline Leon). Дочь купца Клэр Лакомб¹⁰, родившаяся в 1765 г., своей профессией избрала артистическую деятельность, но уже в первые годы революции забросила ее и посвятила себя политической борьбе¹¹. В восстании 10 августа 1792 г. она участвовала с оружием в руках¹², так же, впрочем, как и Полина Леон (род. в 1768 г.), тоже дочь купца, уже с 1791 г. состоявшая членом Клуба кордельеров¹³. Обе эти женщины были лично связаны с некоторыми деятелями группы "бешеных"; в частности Леклер, сначала находившийся в интимной связи с Лакомб, в конце 1793 г. женился на Полине Леон¹⁴. Возможно, что это в какой-то степени содействовало тесному сотрудничеству революционных республиканок и "бешеных"; однако основные причины этого сотрудничества лежали несравненно глубже и заключались в единстве классовой базы тех и других.

При таком положении вещей Общество революционных республиканок не могло, само собой разумеется, не принять самого деятельного участия в движении плебейских масс против жирондистов, закончившемся переворотом 31 мая - 2 июня. И хотя до нас, к сожалению, дошли лишь отдельные отголоски этой борьбы, однако даже то немногое, что мы знаем по этому поводу, вполне подтверждает позднейшее (в заседании Парижской коммуны 21 июня) свидетельство Жака Ру, по словам которого революционным республиканкам "принадлежит значительная заслуга в деле спасения Республики в дни 31 мая - 2 июня"¹⁵.

Переворот 2 июня, отнюдь, как известно, не удовлетворивший "бешеных", не мог, само собой разумеется, ослабить и революционной энергии Общества революционных республиканок, продолжавшего и после 2 июня действовать целиком в духе "бешеных". 26 июня Клэр Лакомб, явившись от имени своего общества к якобинцам, предлагает им протестовать перед Конвентом по поводу предполагавшейся уплаты крупного вознаграждения политически подозрительной артистке Монтансье¹⁶. 10 июля Полина Леон является в Якобинский клуб и сообщает, что революционные республиканки высказываются за снятие бывших дворян со всех занимаемых ими должностей¹⁷. А 24 июля революционные республиканки требуют от Коммуны принятия ряда мер, необходимых для борьбы со спекуляцией углем¹⁸.

Выступая, таким образом, в полном согласии с "бешеными", Общество революционных республиканок, подобно Жаку Ру и Леклеру, пытается в своей борьбе с якобинцами прикрыться именем Марата, убитого 13 июля Шарлоттой Корде. Уже 26 июля революционные республиканки сообщают якобинцам, что они намерены открыть подписку на установку обелиска в память Марата¹⁹; когда же осуществление этого постановления встретило неожиданное препятствие со стороны Коммуны, то явившаяся на ее заседание 31 июля Клэр Лакомб в очень резкой форме заявила, что поскольку Марат больше всех поддерживал санкюлотов, ясно, что именно санкюлоты хотят почтить его память²⁰. Неудивительно, что это энергичное поведение вызвало радостный отклик со стороны Леклера, который в № 7 своего "Друга народа" от 4 августа указывал, что именно Обществу революционных республиканок, этих "доблестных женщин, стоящих выше всяких похвал", надлежит идти в передних рядах революционной армии²¹.

То, что Общество революционных республиканок шло именно "в передних рядах революционной армии", ясно видно из того, что именно они поставили вопрос о наделении женщин политическими правами²². Как известно, якобинцы, не исключая даже и самых левых, были решительными противниками женского равноправия. Так например, член Комитета общей безопасности Амар в своем докладе 9 брюмера II года Республики Конвенту безапелляционно провозглашал, что "женщина не должна выходить из пределов своей семьи и вмешиваться в вопросы управления"²³. Еще дальше заходил в этом отношении Шометт, когда в своем выступлении в Парижской коммуне 27 брюмера того же года с пафосом восклицал: "Ужасно и противно всем законам природы, когда женщина хочет превратиться в мужчину... С каких это пор считается приличным, чтобы женщины покидали священные заботы своего хозяйства и колыбель своих детей, чтобы являться в общественные места, подниматься на ораторскую трибуну и подходить к решетке Сената (т.е. Конвента. - Я.З.)"²⁴.

В противоположность этой позиции якобинцев, в речи, произнесенной в Обществе революционных республиканок делегацией женщин секции Прав человека, мы между прочим читаем: "Вы (т.е. революционные республиканки - Я.З.) порвали одно из звеньев цепи предрассудков: а именно, то, которое, заключая женщин в узкую сферу их хозяйств, тем самым превращало половину человеческого рода в пассивных и изолированных существ... Почему женщины, наделенные способностью чувствовать и выражать свои мысли, должны примириться с их устранением от политических дел? Ведь Декларация прав одинакова для обоих полов!"²⁵

Совершенно очевидно, что уже эта точка зрения революционных республиканок, столь далекая от позиции по данному вопросу якобинцев, неминуемо должна была вызвать гнев этих последних. Однако несравненно большую роль сыграло другое обстоятельство - то, что 26 августа 1793 г. Клэр Лакомб от имени революционных республиканок выступила перед Национальным Конвентом с петицией²⁶, в которой общество не только требовало снятия всех бывших дворян со всех военных и гражданских должностей, но и присоединялось к требованию Жака Ру и Леклера о скорейшем введении в действие конституции 1793 г. и поддерживало их протест против практики применения закона о подозрительных²⁷.

Как известно, характерной чертой политики "бешеных" после 4-5 сентября 1793 г. являлась их борьба против революционной диктатуры и террора, служивших для буржуазно-ограниченных якобинцев средством борьбы не только с контрреволюционерами, но и плебейскими массами. Отсюда вытекавшее из незрелости плебейских масс Франции конца XVIII века и столь характерное для "бешеных" в этот период их деятельности требование немедленного введения в действие конституции 1793 г., еще 10 августа утвержденной собравшимися в Париже делегатами от всей Франции²⁸.

Именно таково было содержание оглашенной Лакомб петиции.

"Не для того мы первые, - говорила Лакомб от имени революционных республиканок, - приняли эту конституцию, чтобы без конца продолжались анархия и царство интриганов... Докажите всей Франции, что не для того, невзирая на затраты, созвали из всех краев Республики делегатов великого народа, чтобы они только разыграли на Марсовом поле патетическую пьесу. Покажите нам, что эта конституция, которую мы как будто бы приняли, существует на деле и способна привести к нашему счастью". И в заключение своей петиции Лакомб требовала скорейшей "организации правительства согласно конституции" и возражала против декрета 12 августа об аресте подозрительных²⁹ на том основании, что осуществление его вверяется людям, отнюдь не менее подозрительным³⁰.

Если приведенные до сих пор слова лишь повторяли то, что говорили в это время и остальные "бешеные", то наряду с этим в петиции 26 августа были и моменты, идущие значительно дальше положений Жака Ру, Варле и Леклера. В то время, как эти последние не решались прямо и открыто нападать на Робеспьера и правительственные комитеты, в которых в это время тон задавали робеспьеристы, революционные республиканки осмелились громко утверждать, что в этих комитетах "господствует дух властолюбия", и, намекая на Робеспьера, заявляли, что они перестали верить в добродетель людей, "вынужденных восхвалять себя сами"³¹. Точно так же значительно решительнее, чем даже у Леклера, звучала угроза, что в случае отказа правительства покончить с контрреволюционерами "народ окажется вынужденным сам совершить правосудие", дабы, отправляясь в армию, каждый солдат мог сказать: "я спокоен за судьбу своей жены и детей, т.к. сам видел, как все внутренние враги погибли под мечом закона"³².

Если уже эта петиция 26 августа достаточно ясно показывает, насколько позиция Клэр Лакомб и Общества революционных республиканок этого времени совпадала с установками, к которым в этот момент пришли Жак Ру, Варле и Леклер, то мы наряду с ней имеем еще один источник, проливающий на данный вопрос дополнительный свет. Происхождение этого источника таково. 9 прериаля II года Республики (28 мая 1794 г.), когда Клэр Лакомб уже находилась в тюрьме, а Общество революционных республиканок прекратило свое существование, в полицейских органах Парижа, а может быть и в недрах самого Комитета общей безопасности был составлен протокол, резюмирующий ранее

данные показания бывших членов этого общества Жобе (Jobe), Лемос (Le Mose) и ЭрUAR (Herouart)³³. Из этого протокола, в частности, видно, что в одном заседании общества в августе 1793 г. Клэр Лакомб, обращаясь к своим товарищам, говорила: "Вы все влюблены в Робеспьера и восхищаетесь им, а я вижу в нем самого обыкновенного человека"³⁴. По словам этих же доносительниц, Лакомб осуждала декрет 10 октября 1793 г. об отсрочке введения конституции вплоть до заключения мира и утверждала, что "когда существуют законы, им нужно следовать и пунктуально их исполнять" и обвиняла конвентских комиссаров в использовании своих командировок для личного обогащения³⁵. А Полина Леон якобы "предлагала обществу республиканок побудить 48 секций Парижа потребовать переизбрания Конвента, т.к. его члены слишком долго сидят на своих местах"³⁶.

Нет сомнения в том, что донос Жобе, Лемос и ЭрUAR, как это видно из целого ряда его мест, которые мы здесь не приводим, был в очень значительной степени продиктован чувством личной зависти и мести, а иногда даже соображениями попоранного женского самолюбия. Однако ряд сообщаемых в доносе моментов (враждебное отношение к революционному порядку управления, недоверие Робеспьеру, констатирование факта обогащения ряда депутатов во время их миссий и т.д.) настолько совпадает с тем, что мы знаем о позиции по тем же вопросам Жака Ру, Варле и Леклера, что не могут вызвать у нас никакого сомнения в отношении своей достоверности. Таким образом, мы вправе еще раз констатировать, что осенью 1793 г., как и раньше, позиция революционных республиканок по основным вопросам текущего момента целиком совпадала с политической линией остальных "бешеных" и совершенно ясно, что этот факт не мог не привести их общество к неминуемому столкновению с якобинцами. Для избежания этого столкновения революционные республиканки пытались сблизиться с Якобинским клубом, для чего неоднократно посылали туда своих делегатов. Так, 15 августа делегация во главе с Полиной Леон просила об аффиляции своего клуба с Якобинским³⁷. 18 августа Клэр Лакомб от имени другой делегации объявила, что "революционные республиканки, подобно якобинцам, намерены заняться общественным спасением"³⁸, а 2 сентября третья делегация повторно просила об аффиляции с якобинцами³⁹. Одновременно с этим клуб революционных республиканок, опасаясь изоляции, стремился сохранять контакт и с другими революционными организациями тогдашнего Парижа. В этом отношении чрезвычайно характерно, что в составе депутации, явившейся 5 сентября 1793 г. в Национальный Конвент, - мы, наряду с представителями 48 секций и Якобинского клуба, встречаем также и представительниц Общества революционных республиканок⁴⁰. А, с другой стороны, когда это общество замыслило обратиться к Конвенту с петицией об аресте жен эмигрантов и создании особых исправительных домов для проституток (эта петиция была подана в заседании 14 сентября)⁴¹, то оно предварительно добилось поддержки Якобинского клуба (в его заседании 13 сентября)⁴² и Коммуны (14 сентября)⁴³.

Однако совершенно ясно, что все эти предосторожности не могли спасти Общество революционных республиканок от столкновения с якобинцами, ставшего неизбежным с той самой минуты, как оно решилось поддержать политическую линию "бешеных". Как рассказывает об этом в своей газете Леклер, уже в заседании Конвента 26 августа делегация Общества революционных республиканок была встречена чрезвычайно враждебно и Лакомб лишь с очень большим трудом удалось получить слово для оглашения уже известной нам петиции⁴⁴. Но это не охладило пыла революционных республиканок, и в своем донесении министру внутренних дел тайный полицейский наблюдатель Суле 18 сентября 1793 г. указывал, что в заседании Общества революционных республиканок предыдущего дня Лакомб утверждала, что члены Комитета общей безопасности - интриганы⁴⁵. 22 сентября наблюдатель Руссевиль сообщал, что революционные республиканки обратились к секции Красного Креста с предложением потребовать ответственности министров, предания в 24-х часовой срок суду всех аристократов, создания особого центрального комитета из представителей всех 48 секций и отмены декрета 5-9 сентября о сокращении числа секционных собраний до двух в неделю⁴⁶.

В заседании Якобинского клуба 16 сентября 1793 г. дантонист Шабо выступил с рядом обвинений против революционных республиканок и в частности утверждал, что они "осмелились нападать на Робеспьера и называть его господином Робеспьером". Что

же касается лично Клэр Лакомб, то она, по словам Шабо, "заявляла, что людей не следует держать в тюрьме. Революция или не революция, все равно арестованные должны быть допрошены в течение 24-х часов и либо быть освобождены, если они невинны, либо, в случае виновности, быть отправлены на гильотину"⁴⁷. А друг и единомышленник Шабо - Базир уверял, что делегатки Общества революционных республиканок заявили ему, что он "действует как господин Робеспьер, который осмелился назвать их контрреволюционерками"⁴⁸. В результате последовавших затем прений, во время которых высказались еще некоторые члены клуба, было принято решение предложить Обществу революционных республиканок исключить из своего состава "руководящих обществом подозрительных женщин" и сообщить о них Комитету общей безопасности⁴⁹. Кроме того присутствовавшая на заседании Лакомб была задержана и препровождена в Комитет общей безопасности, но там ее немедленно освободили⁵⁰.

События, происшедшие 16 сентября в Якобинском клубе, явились только началом развернутого наступления Якобинского клуба против Общества революционных республиканок и его руководительниц. И хотя появившееся 24-го сентября в газете "Feuille de Salut Public" сообщение об аресте Лакомб (которая называлась "контрреволюционной вакханкой" и деятельность которой сближалась с деятельностью Жака Ру, Леклера и др.⁵¹), оказалось ложным, уже 26 сентября секция Общественного договора, на территории которой заседало Общество революционных республиканок, заявила, что женщинам, "которых природа создала для того, чтобы ухаживать за нами в детстве, во время наших болезней и в старости", для их собраний вполне достаточно тех двух дней в неделю, когда происходят общие собрания секций. В остальные же дни, говорилось в постановлении секции, помещение Общества революционных республиканок, члены которого "вводятся в заблуждение" лицами, "заглушающими их патриотизм", должно быть предоставлено для заседаний секционного народного общества⁵². А 6 октября явившиеся в Национальный Конвент представители Общества революционеров 10 августа обвинили Общество революционных республиканок в антигражданских намерениях и потребовали его закрытия⁵³.

Предложение это было передано на рассмотрение Комитета общей безопасности, и явившиеся с протестом революционные республиканки не были даже допущены в зал заседаний⁵⁴. А на следующий день, 7 октября Клэр Лакомб выступила перед Конвентом с резким протестом против событий предыдущего дня, заканчивавшимся словами: "Наши права являются правами народа, и, если нас будут угнетать, мы окажем сопротивление насилию"⁵⁵. Столь же резким, повидимому, было и выступление Лакомб в Якобинском клубе 8 октября⁵⁶. Наконец, выступившая в Парижской коммуне 9 октября представительница Общества революционных республиканок не только жаловалась на невыполнение закона о максимуме, но и "сравнивала народ со слепым, которому обещали зрение и который уносит с собой в могилу сожаление, что он неудачно выбрал себе врача"⁵⁷.

Но все эти выступления лишь подливали масла в огонь, и теперь якобинцам для нанесения окончательного удара требовался только подходящий повод. Таковым послужил неосторожный шаг самих революционных женщин, 7 брюмера (28 октября 1793 г.) попытавшихся принудить контрреволюционно настроенных рыночных торговков не только неуклонно выполнять постановление Парижской коммуны о ношении всеми женщинами трехцветной кокарды, но и носить красные колпаки. Однако это предприятие закончилось для революционных республиканок крайне плачевно: они потерпели полное поражение, причем многие были жестоко избиты. Когда же потерпевшие поражение покинули поле боя и ретировались в зал своих заседаний, то торговки вскоре последовали туда за ними, продолжали избивание своих жертв и произвели полный разгром помещения. Явившиеся на шум якобинские власти не нашли ничего лучше, чем соблюсти нейтралитет, оказавшийся целиком на руку нападавшим торговкам⁵⁸. Это дает основание предполагать, что вся потасовка была инспирирована якобинцами, нуждавшимися в поводе для заключительного этапа подавления всего движения "бешеных"⁵⁹.

В самом деле, уже на следующий день, 8 брюмера, в Конвент явилась депутация гражданок, жаловавшаяся на женщин, "называющих себя революционными", которые

пытались принудить их носить красные колпаки⁶⁰. Взявший слово вслед за тем Фабр д'Эглантин квалифицировал все чисто женские организации как контрреволюционные и предложил Конвенту рассмотреть вопрос о запрещении таковых. На следующий день Амар, выступая от имени Комитета общей безопасности, высказал мысль, что женщины не должны обладать какими бы то ни было политическими правами и участвовать в политических обществах. Конвент с этим согласился и тут же постановил, что "запрещаются все женские клубы и общества, под какими бы наименованиями они ни скрывались"⁶¹.

15 брюмера (5 ноября 1793 г.) депутация революционных республиканок явилась в Национальный Конвент с протестом против декрета 9 брюмера, но ей даже не удалось получить слова⁶². Столь же неудачной оказалась и их попытка выступить 27 брюмера (17 ноября) перед Коммуной⁶³.

Так закончилась деятельность Общества революционных республиканок. Что касается их руководительниц, то они некоторое время оставались на свободе, но были вынуждены отказаться от политической деятельности. Однако это лишь ненадолго спасло их от преследований якобинцев, и в один и тот же день 13 жерминаля (2 апреля 1794 г.) Комитет общей безопасности предписал арест как Клэр Лакомб⁶⁴, так и Полины Леон и ее мужа Теофиля Леклера⁶⁵. Свободу они получили уже лишь после 9 термидора.

Мы рассмотрели историю деятельности Общества революционных республиканок и можем теперь обратиться к анализу его программы. Впрочем, следует сразу же отметить, что выражение "программа" в том смысле, какой мы привыкли в него вкладывать, вряд ли здесь вполне применимо. Отражая требование санкюлотов, ни в какой мере не принадлежавших к какому-либо сложившемуся классу, а лишь составлявших часть довольно аморфной плебейской массы, взгляды "революционных женщин" должны были неизбежно носить крайне неясный характер. Это ярко сказалось уже в заявлении, сделанном 19 мая 1793 г. Якобинскому клубу явившейся туда совместно с делегацией [Клуба] кордельеров делегацией Общества революционных республиканок.

В частности, в заявлении этом говорилось не только об изгнании из Ковента вождей жирондистской партии, но и о необходимости арестовать всех подозрительных и создать в Париже 40-тысячную армию, содержимую за счет богатых.

Еще решительней была экономическая часть программы: "Законодатели, нанесите удар спекулянтам, барышникам и купцам-эгоистам! Существует страшный заговор, ставящий себе целью посредством неимоверного повышения цен на продукты уморить народ голодом. Во главе этого заговора стоит торгашеская аристократия наглой касты (*l'aristocratie mercantile d'une caste insolente*), стремящаяся поставить себя на место короля и посредством регулируемого ее жадностью поднятия цен на предметы первой необходимости захватить в свои руки все богатство. Уничтожьте всех этих мерзавцев; родина будет достаточно богатой, если на ее долю останутся санкюлоты и их добродетели"⁶⁶.

Такой же характер, что и заявление 19 мая, носила петиция "революционных женщин" Конвенту от 26 августа, выражавшая недовольство осуществлением на практике того "равенства, которое должно было составить основу его [народа. - Я.З.] счастья". "Еще недостаточно сказать умудренному опытом четырех лет непрерывных и неосуществленных обещаний народу, - говорилось далее в этой петиции, - что его счастье близко - нужно, чтобы он почувствовал его на деле. Народу надоело видеть, как обогащенные его золотом и насыщенные его кровью люди проповедуют ему умеренность и терпение"⁶⁷.

Однако при всей неопределенности требований Общества революционных республиканок одно является бесспорным - это их эгалитаристский характер и связанное с этим недовольство буржуазной ограниченностью якобинизма. Этот момент вполне ясно был осознан тайным полицейским агентом Латур-Ламонтанем, который в своем донесении 20 сентября 1793 г. писал: "Все эти женщины сходятся на одном: а именно, на необходимости нового порядка вещей, который бы вывел их из того состояния нищеты, в котором они, по их словам, находятся"⁶⁸.

Таким образом, деятельность Общества революционных республиканок, хотя и не оказавшая на ход событий Великой Французской буржуазной революции мало-мальски значительного влияния, является одним из моментов, характеризующим

распространенность среди плебейских масс Франции XVIII века того эгалитаризма, который составил важный этап в предыстории социалистических идей.

ЖАК РУ в 1792 году

В Париже Жак Ру поселился в январе 1791 г. Не будучи обязан, вследствие наложенного на него прежним начальством интердикта, принести введенную законом для духовенства присягу, Жак Ру произнес 16 января 1791 г. в церкви Сен-Сюльпис установленный текст присяги, сопроводив его небольшой речью, в которой он приветствовал революцию и клялся в своей верности "нации, закону и королю, составляющим единое целое"⁶⁹. Принесение присяги позволило ему занять одно из мест, освободившихся вследствие отказа священников от присяги, и, таким образом, Жак Ру сделался викарным священником церкви Св. Николая на Полях в секции Гравилье.

Вскоре после приезда в Париж Жак Ру вступает в число членов Клуба кордельеров. Хотя протоколы его, как известно, не сохранились, установить эту дату позволяют следующие обстоятельства:

1. В своем письме к Марату, написанном в ответ на статью Друга Народа от 4 июля 1793 г. Жак Ру говорит, что Марат, скрываясь от преследований, жил у него "месяцев пятнадцать тому назад"⁷⁰, т.е. в конце 1791 или начале 1792 г. А из этого же письма видно, что Марат дал Жаку Ру поручение в Клуб кордельеров, членом которого тот уже являлся.

2. В своих показаниях 17 июля 1793 г. революционному комитету секции Гравилье приятельница Жака Ру - вдова Пти утверждала, что знает его около двух лет и познакомилась с ним в Клубе кордельеров⁷¹.

3. Среди немногих сохранившихся бумаг этого клуба имеется упоминание от 18 марта 1792 г. об участии Жака Ру в работе комиссии, набранной клубом для распространения предполагавшейся к изданию "Школы гражданина" Марата⁷².

К этому времени, т.е. весне 1792 г. относится и произнесенная Жаком Ру в ряде церквей проповедь "О средствах спасения Франции и свободы". Дату этой проповеди позволяет установить содержащееся в отчете о заседании Якобинского клуба 17 мая упоминание, что "член клуба кордельеров г. Жак Ру просит объявить, что в будущее воскресенье в 3 часа дня он произнесет патриотическую речь о средствах спасения Франции"⁷³. Так как ближайшее воскресенье падало на 20 мая 1792 г., то, очевидно, именно этим днем и следует датировать проповедь Жака Ру.

"Речь о средствах спасения Франции и свободы", произнесенная в храме Нотр-Дам, была затем повторена в церквях Сент-Эташ, Сен-Маргерит, Сент-Антуан и Сен-Николя де Шан, т.е. в приходской церкви Жака Ру. Из этого видно, что для распространения своих взглядов Жак Ру в это время широко пользовался наиболее доступным ему, как духовному лицу, средством пропаганды - церковной проповедью. Кроме того, эта же речь Жака Ру была затем напечатана им в виде брошюры⁷⁴. Но так как в печатном тексте проповеди имеются неоднократные ссылки на более поздние события - в частности, на события, имевшие место между 10 августа и 21 сентября 1792 г., то надо думать, что проповедь Жака Ру была им напечатана не ранее, как через четыре месяца после ее произнесения и притом с рядом позднейших добавлений.

"Речь о средствах спасения Франции и свободы" в том виде, в каком она была напечатана ее автором, делится на две части. В первой выясняются причины постигших Францию бедствий, во второй указываются средства для их исцеления.

"Три основные причины могут вызвать гражданскую войну: религиозный фанатизм, предательство должностных лиц, непослушание закону"⁷⁵.

Из этих трех причин Жак Ру прежде всего останавливается на религиозном фанатизме.

"Но как бы религиозный фанатизм ни был опасен вследствие той власти над умами, которую предоставляет ему легкое верие народов и безнаказанность преступлений, значительно опаснее существование в обществе врагов революции. К их числу Жак Ру относит прежде всего фельянов, но это не мешает ему клясться в уважении к Законодательному собранию, членом которого он называет "ангелами-хранителями французского народа"⁷⁶.

Во второй части своей речи Жак Ру обращается прежде всего к средствам избавить Францию от нависшей над ней угрозы неприятельского нашествия, причем главнейшими из этих средств он считает национальное единение и патриотизм.

Переходя затем к мерам борьбы с опасностями внутри страны, Жак Ру прежде всего указывает на необходимость уничтожения религиозного фанатизма, наказания изменивших народу депутатов и чиновников и бдительного надзора за вновь избираемыми членами Национального Конвента. Но это еще далеко не все.

"Подвергните страху постыдного наказания спекулянтов и барышников (*les agioteurs et les assarageurs*), ибо нет большего преступления, чем наживаться за счет народных бедствий и производить ростовщические сделки, имеющие своим результатом слезы и разорение народа. Нация, сбросившая с себя иго тирании, должна обрушиться и на жестокие происки аристократии богатства. Она не должна терпеть, чтобы глубоко развращенные люди пожирали имущества, мануфактуры, торговлю, свободу; она не может терпеть, чтобы они каплю за каплей высасывали кровь граждан и путем недостойнейших сделок подготавливали возвращение рабства...

Возьмите под арест вплоть до торжества свободы всех лиц, принадлежащих к бывшим привилегированным сословиям. Отстраните от народных магистратур и каких бы то ни было должностей всех сторонников роялизма"⁷⁷.

Наряду с перечисленными мерами Жак Ру требовал еще взятия в качестве заложников жен и детей эмигрантов, введения смертной казни за спекуляцию звонкой монетой и припасами первой необходимости и установления строгих мер в отношении хлебной торговли. Поскольку эти требования к тому времени сделались основными требованиями плебейских масс⁷⁸, наличие их в "Речи о средствах спасения Франции и свободы", невзирая на отдельные пункты ее (в частности вера в благие намерения Законодательного собрания), в которых сказывались еще иллюзии буржуазного демократа, позволяет нам говорить о Жаке Ру этого периода уже как о "бешеном". И это было, конечно, не случайно; проживание в течение полутора лет в плебейской секции Гравилье бок о бок с ремесленниками и предпролетариями этой секции не могло не наложить отпечатка на взгляды революционного пастыря этой секции⁷⁹.

При таком положении вещей совершенно ясно, что Жак Ру должен был уже к лету 1792 г. добиться значительной популярности среди плебейских масс секции Гравилье и поэтому неудивительно, что он не только оказался активным участником переворота 10 августа, но и был в конце августа избран председателем своей секции. Но что делал он на этом посту и как относился к событиям августа-сентября этого года?

До самого недавнего времени из-за отсутствия источников об этом можно было только гадать. Правда, сам Жак Ру говорил об этом в плакате, расклеивавшемся, как это было тогда принято, на стенах домов и изданном в самом начале 1793 г. против одного из его противников по фамилии *Epellet*⁸⁰. Но хранившийся в Национальном Архиве экземпляр этого плаката лежал не на том месте, где ему следовало быть, и поэтому ни Матезу⁸¹, ни другим биографам Жака Ру найти его не удавалось. Лишь Вальтеру Маркову посчастливилось после долгих поисков обнаружить "пропавшую грамоту", и в настоящее время она напечатана в журнале "*Zeitschrift fur Geschichtswissenschaft*"⁸².

Плакат против Эпелля интересен прежде всего тем, что он проливает новый свет на поведение Жака Ру в предшествующие годы. По его словам, в то время, "когда патриоты были угнетены", он сознательно не посещал секционные собрания, "чтобы не объединяться с господствовавшими тогда аристократами"⁸³. Однако, продолжает Жак Ру, "это не мешало мне защищать дело народа. Во всех проповедях, которые мне довелось произносить в церкви св. Николая, я защищал принципы свободы и равенства. Начиная с апреля 1791 г., я разоблачал преступления конституционного тирана французов. Я предсказал его низвержение и казнь, я сорвал покрывало с ошибок, интриг и предрассудков"⁸⁴.

Переходя от прошлого к настоящему, Жак Ру подчеркивает, что "он явился в секцию, когда родина оказалась в опасности", и "сделал там предложения, вызвавшие ярость его врагов"⁸⁵. Особенное негодование их вызвало одобрение Жаком Ру "сентябрьских убийств", причем враги Жака Ру приписывали ему слова, что во время революции лишний человек ничего не значит. Жак Ру эти слова отрицает; однако, говорит он, "поскольку друзья Ролана и Луи Капета придают такое значение этим словам, которых я

не произносил, я должен заявить, что ни один народ не возвращал себе свои потерянные права без того, чтобы молнии свободы и осколки разбитого трона не поразили также и невинные жертвы. К этому я добавлю, что кровь петиционеров не дороже крови граждан, убитых на Марсовом поле и при осаде тюльерийского дворца"⁸⁶

Эта позиция Жака Ру была широко использована его затаившимися после 10 августа противниками из среды роялистов для того, чтобы запугать колеблющихся и просто аполитичных граждан. Именно этим объясняется неудача Жака Ру при его многочисленных попытках занять различные должности, освободившиеся в связи с переворотом 10 августа, что могло помочь ему расширить рамки своей пропаганды. В самом деле, зная исключительное бескорыстие Жака Ру, единогласно отмечаемое как всеми его лично знавшими, так и историками, было бы странно объяснить эти попытки какими бы то ни было мотивами корыстного характера. Но если, с одной стороны, уже довольно значительная популярность, приобретенная Жаком Ру благодаря его широкой благотворительности и отзывчивости к нуждам всех, кто к нему только ни обращался⁸⁷, должна была содействовать достижению поставленной им себе в августе 1793 г. цели, то, с другой стороны, у него было вполне достаточное количество не только политических противников, но и личных врагов и завистников.

Это выяснилось при первых же выборах, на которых была выставлена кандидатура Жака Ру. Избранный в заседании 15 августа одним из двух присяжных, посланных секцией Гравилье в созданный после 10 августа чрезвычайный трибунал, он уже 17 августа был отозван по требованию Грувелля, указавшего на несовместимость обязанностей священника и судьи⁸⁸. Справедливо обиженный этим постановлением Жак Ру уже на следующий день обратился с письмом к Дантону, ссылаясь на "доказательства патриотизма, проявленного им как в народных обществах, так и с публичных кафедр с самого момента поселения в Париже"⁸⁹. В нашем распоряжении, однако, нет никаких данных, позволяющих предположить какое-либо вмешательство по этому поводу со стороны министра юстиции.

Столь же неудачными для Жака Ру были и выборы в Национальный Конвент и в совет Парижского департамента. Избранный секцией Гравилье в качестве одного из ее представителей в парижское избирательное собрание Жак Ру получил там лишь совершенно незначительное количество голосов и был провален. Имеются некоторые данные, правда довольно неясные, позволяющие думать, что это поражение Жака Ру на выборах должно быть объяснено не только его еще недостаточной известностью за пределами его секции и кознями его противников, но также его собственными недопустимыми приемами агитации, оказавшимися на руку его врагам.

Так например, он просил своего друга Корю (из секции Арсенала) написать письмо с рекомендацией его кандидатуры, что и было исполнено тем 16 сентября 1792 г.; с такой же просьбой обратился он и к санкюлотам предместья Сент-Антуан⁹⁰. Вполне понятно, что это не могло не оказать на выборщиков отталкивающего впечатления, и поэтому не удивительно, что, хотя кандидатуру Жака Ру поддерживали ряд граждан, при выборах в Конвент он получил только один, а при выборах в совет департамента - только семь голосов. Лишь 29 декабря 1792 г. во время выборов во временную Коммуну 2 декабря, сменившую революционную Парижскую Коммуну 10 августа, Жак Ру оказался более счастливым и вошел в эту Коммуну в качестве представителя секции Гравилье, получив при этом 150 голосов из 286 голосовавших⁹¹.

Однако, несмотря на эти неудачи, Жак Ру со свойственной ему исключительной энергией и целеустремленностью продолжает вести пропаганду своих взглядов, и уже к началу зимы 1792-1793 г. относятся ряд фактов, указывающих на несомненный рост его влияния среди плебейских масс. Так например, петиция, с которой секция Гравилье обратилась к Национальному Конвенту 7 октября 1792 г., если и не написана им целиком, то все же носит несомненные следы его влияния⁹², а произнесенная им 1 декабря в другой демократической секции Обсерватории "Речь о суде над Людовиком последним и преследовании спекулянтов, барышников и изменников"⁹³ имела такой успех, что секция постановила прочитывать ее в своих собраниях по два раза в неделю в течение целого месяца.

Кроме того, одновременно с произнесением этой новой речи, Жак Ру несколько раз выступал в различных церквях Парижа с повторением своей уже известной нам старой "Речи о средствах спасения Франции и свободы". Это видно из помещенного в № 70 "Газеты Французской республики" Марата от 9 декабря объявления: "Гражданин Жак Ру согласно решению Люксембургской секции произнесет в воскресенье 9 декабря в церкви Сен-Сюльпис речь о средствах спасения Франции и свободы"⁹⁴.

"Речь о суде над Людовиком последним" по сравнению с "Речью о средствах спасения Франции и свободы" представляет, без всякого сомнения, значительный шаг вперед в развитии взглядов Жака Ру. Перипетии классовой борьбы осенних месяцев 1792 г. не прошли для него бесследно, и если в предыдущей речи он, как мы видели, клялся в своем уважении к Законодательному собранию, то теперь отношение к новому национальному представительству вообще и его жирондистскому большинству, в частности, является совершенно иным.

"Граждане, лишь быстрыми и строгими мерами, лишь находясь постоянно начеку, поднимитесь вы на предназначенную вам судьбой высоту. Неужели же вы колеблетесь развергнуть громы свободы, когда даже в среде французского сената добродетель едва ли находится в безопасности, когда кучка подлецов готовится нанести смертельный удар общественной свободе, когда неподкупные защитники народа вынуждены хранить молчание, когда гнусные законодатели окружают себя вооруженной стражей..."

Деспотизм, существующий при господстве нескольких лиц, т.е. сенаторский деспотизм, столь же ужасен, как и скипетр королей, ибо он стремится к тому, чтобы незаметным образом заковать народ в цепи, связав его посредством законов, якобы продиктованных им самим"⁹⁵.

После этого Жак Ру высказывает столь характерную для тогдашнего плебейства мысль о том, что депутаты являются лишь уполномоченными народа, обязанными во всем руководствоваться его волей, а затем уже переходит к конкретным требованиям, предъявляемым им Национальному Конвенту: "Чтобы не страдать под игом сенаторского скипетра, чтобы не дать оседлать себя бесчестным уполномоченным, преследуйте скрытых под королевской мантией негодяев; начните процесс против Антуанетты; пусть законодатели, судьи, генералы и общественные чиновники, жавшие руку народа и получавшие деньги от двора, будут торжественно отправлены на эшафот. Спасение народа является высшим законом, а сопротивление насилию - священной из обязанностей. Если глубоко развращенные уполномоченные не попытаются спасти республику, народ должен сделать это сам. Кто не встанет на борьбу с тиранией, когда извне детей свободы убивают, а изнутри подвергают их голоду и нужде, т.к. законы не наказывают разбоя барышников и монополистов? Что может быть подлее, чем терпеть тех, кто захватывает произведения земли и промышленности, жадно скапливает на своих складах предметы первой необходимости и строит ростовщические расчеты на слезах народа"⁹⁶.

Таково содержание "Речи о суде над Людовиком последним". "Именно эта речь, - справедливо замечает Матьез, - сделала Жака Ру, популярного до сих пор лишь в своей секции, известным всему Парижу"⁹⁷. И хотя мы в течение последующего месяца, не считая лишь участия Жака Ру в качестве представителя Парижской коммуны в казни Людовика XVI⁹⁸, ничего не слышим о его деятельности, все же представляется несомненным, что его влияние на плебейские массы в это время росло с каждым днем. Но дальнейшие этапы этого роста уже выходят за пределы 1792 г. и составляют предмет самостоятельного исследования.

О ДВУХ ТЕМНЫХ МЕСТАХ РАННЕЙ БИОГРАФИИ ЖАКА РУ

Биография Жака Ру (1752-1794)(99), вождя группы "бешеных" Великой французской буржуазной революции, может быть разделена на две резко неравные части. Если до переселения Жака Ру в Париж в самом начале 1791 г. мы вообще мало что знаем о его жизни, то после этой даты жизнь его происходила у всех на виду и потому в основном может считаться известной. Что же касается первого 39-летнего периода жизни Жака Ру, то в отношении его существует целый ряд неясностей и противоречий, до сих пор

продолжающих разделять мнения его биографов. Двум из связанных с этим вопросов и будет посвящена настоящая статья.

Первым из этих вопросов является проблема существования будто бы у Жака Ру второй фамилии - Реноди. В самый разгар ожесточенной борьбы, происходившей летом 1793 г. между якобинцами и "бешеными", Марат напечатал в № 293 своего "Публициста Французской республики" от 4 июля 1793 г. статью, полную самых злобных нападок на Жака Ру, которого он называл "аббатом Реноди, так называемым Жаком Ру"¹⁰⁰. В этой статье Марат утверждал, что может "говорить о нем точно, так как не только хорошо его лично знает, но даже и провел у него несколько дней". Это было, писал Марат, в то время, "когда меня яростно преследовал Лафайет", и он (т.е. Жак Ру) "предложил мне временное убежище лишь затем, чтобы хвастать моим пребыванием у него". И вот, ссылаясь на эту хорошую свою осведомленность о личности Жака Ру, Марат утверждал, что действительная фамилия вождя "бешеных" не Жак Ру, а Реноди. "Алчность, вместе с желанием обратить на себя внимание, заставила его начать свою революционную карьеру с обмана; он воспользовался известием об убийстве Жака Ру (кюре из Исси, насколько помнится), присвоил его имя, а чтобы внушать к себе больше интереса и заработать деньги, опубликовал в свою пользу, историю о покушении на личность этого честного священника. С тех пор он сохранил это имя, хотя отказ от своего имени является преступной трусостью; возможно, что с его стороны это была разумная предосторожность, чтобы скрыть свое опороченное имя"¹⁰¹.

Мы дальше коснемся вопроса о брошюре, давшей повод Марату говорить о присвоении "аббатом Реноди" имени священника Жака Ру, якобы убитого в Исси. Сейчас же мы лишь отметим, что именно направленная против него статья "Публициста Французской республики" дала Жаку Ру повод опубликовать в ответ на нее брошюру, озаглавленную "Жак Ру - Марату"¹⁰² и содержащую ряд важных автобиографических моментов. Это свое открытое письмо к "Другу народа" Жак Ру начинает с того, что, в доказательство факта, что он не Реноди, а действительно Жак Ру, печатает выписку из свидетельства о его крещении, взятую из книги приходской церкви Saint-Cibard de Pransac ангулемской епархии.

Но если, таким образом, можно считать установленным, что имя и фамилия вождя "бешеных" были действительно Жак Ру, то откуда же взял Марат свои сведения о его второй фамилии - Реноди? Хотя Жак Ру в своем письме Марату об этом ничего не говорит и лишь подчеркивает, что, "называясь Жаком Ру, я не присвоил себе ничьего имени"¹⁰³, мы, однако, имеем в своем распоряжении другой источник, проливающий некоторый свет на этот вопрос. Мы имеем в виду протокол допроса Жака Ру в департаменте полиции Парижской коммуны 23 августа 1793 г. Отвечая на заданный ему во время этого допроса вопрос о том, "не имел ли он других фамилий?", Жак Ру ответил, что, "будучи преследуемым в Сентонже и Ангума за свой патриотизм, он, во избежание ножа убийц, был вынужден отправиться в Париж. Для того же, чтобы скрыть от своих врагов свое местонахождение, он принял прозвище Реноди. Впрочем, во всех подписанных им в Париже официальных документах (включая платежные ведомости при получении жалования и расписки в получении от секции свидетельства о благонадежности), а также при своем избрании в различные учреждения, он всегда именовался Жаком Ру, каковая фамилия и является его собственной"¹⁰⁴.

Итак, можно считать если не твердо доказанным, то, во всяком случае, достаточно вероятным, что Жак Ру был действительно Жаком Ру, а фамилия Реноди была лишь его кратковременным псевдонимом. Родился он, как мы видели, 21 августа 1752 г. в Saint-Cibard de Pransac, в области Ангума (ныне кантон Ларошфуко Ангулемского дистрикта департамента Шарант). Он был вторым из двенадцати детей Грациана Ру, пехотного лейтенанта, ставшего впоследствии судьей¹⁰⁵. Окончив духовную семинарию в Ангулеме, Жак Ру получил духовный сан и вернулся в родной Пранзак, а в начале 70-х годов был назначен преподавателем философии в той самой ангулемской семинарии, которую он окончил. В семинарии Жак Ру прослужил около десяти лет, после чего перешел на службу в сентскую епархию¹⁰⁶. Здесь в должности кюре в приходе Сен-Тома-де Конак и застала его революция.

Начавшуюся буржуазную революцию Жак Ру встретил восторженной проповедью под названием "Триумф храбрых парижан над врагами общественного блага", вскоре выпущенной им в качестве специальной брошюры¹⁰⁷. Это вызвало против него преследования со стороны его реакционно-настроенного духовного начальства, и Жаку Ру пришлось срочно оставить Сен-Тома-де Конак. Куда же он отправился?

Отвечая на этот вопрос, мы тем самым сталкиваемся со вторым темным местом биографии Жака Ру. Особенно запутывает дело вышедшая после описываемых событий в издании его приятельницы вдовы Petit брошюра, озаглавленная "Апостол, мученик революции". Брошюра эта, несомненно принадлежащая перу самого Жака Ру, повествует о том, как после того, как "генеральные викарии Сента-Тайе, Люше и Делор запретили, шесть месяцев тому назад, Жаку Ру за его проповедь в пользу революции, апостолом коей он себя объявил, исполнение его пастырских обязанностей"¹⁰⁸, он был принужден бежать и случайно попал в местечко Массиньи, близ Каркассона. Здесь он сразу же проявил такой пламенный патриотизм, что местные избиратели выбрали его 25 июня 1790 г. на освободившуюся вследствие смерти старого кюре должность священника. Революционные проповеди Жака Ру на месте его нового служения вызвали против него ярую ненависть всех местных аристократов, и когда их попытка подкупить его при помощи 48000 ливров не только окончились неудачей, но и явились поводом беспорядков, окончившихся смертью 39 контрреволюционеров, то их спасшиеся товарищи решили разделаться с революционным попом. "На следующую ночь восемнадцать мерзавцев явились в поселок Массиньи. Они с грохотом разбивают ворота дома кюре... бросаются на последнего, вырывают ему глаза и язык, обрубают ему обе руки, наносят ему пять ударов кинжалом в грудь"¹⁰⁹.

Как понять весь этот рассказ? Не говоря уже о крайней оригинальности повествования о смерти Жака Ру, написанного им самим, чрезвычайно любопытно, что напечатанная в качестве приложения к брошюре "Последняя проповедь Жака Ру, кюре в Массиньи, произнесенная им в его приходе накануне его убийства"¹¹⁰, представляет не что иное, как перепечатку уже известной нам проповеди о "Триумфе храбрых парижан"! Но есть ли во всем этом рассказе Жака Ру хоть какая-нибудь крупинка истины, и был ли он вообще когда-нибудь в Массиньи?

Альбер Матъез, тщательно исследовавший этот вопрос, утверждает, что не только Жак Ру не был в 1790 г. на юге Франции, но и что вообще там в это время не было событий, сходных с только что описанными, и что около Каркассона нет и не было населенного пункта, носящего название Массиньи. Появление же брошюры Матъез объясняет стремлением Жака Ру увеличить свою популярность и добиться уважения санкюлотов¹¹¹. Это тем более вероятно, что автор брошюры не жалеет хвалебных эпитетов по адресу Жака Ру. Что же касается того, что брошюра была выпущена анонимно, то это, повидимому, объясняется желанием Жака Ру соблюсти хотя некоторый декорум скромности. Этим же, повидимому, приходится объяснить и то, что, тщательно ответив в своем письме к Марату на все выставленные последним против него обвинения, Жак Ру почему-то обошел полным молчанием утверждение Марата о том, что будучи в действительности не Жаком Ру, а Реноди, он с корыстными целями использовал имя убитого в Исси контрреволюционерами подлинного Жака Ру¹¹².

Итак, где же был и что делал Жак Ру в период между весной 1790 г., когда на него был наложен интердикт, и январем 1791 г., когда мы встречаем его в Париже? Некоторый свет на этот вопрос проливает приведенный нами выше отрывок из допроса Жака Ру 23 августа 1793 г., в котором говорится, что, вынужденный скрываться от преследования, он принял в это время псевдоним Реноди. Как вероятно помнит читатель, во время этого допроса Жак Ру утверждал, что "будучи преследуемым в Сентонже и Ангума за свой патриотизм, он во избежание ножа убийц, был вынужден отправиться в Париж". Таким образом, если только Жак Ру в данном случае говорил правду, получается, что в Париж он попал прямо из Ангума и Сентонжа. Это еще больше подтверждает положение о том, что весь рассказ об "апостоле, мученике революции" не более, как выдумка Жака Ру, рассчитанная на то, чтобы вызвать интерес к его личности.

Подведем теперь некоторые итоги и прежде всего попытаемся охарактеризовать, какой представляется нам, на основании имеющихся источников, личность Жака Ру в том виде, в каком он был до переезда в Париж. Прежде всего было бы нелепо отрицать, что в физиономии будущего вождя "бешеных", рисующейся нам на основании изложенных выше материалов, имеется много, выражаясь мягко, странностей. Как понять его вечное самовосхваление, его постоянное любование своей собственной личностью и превознесение своих собственных заслуг, доводящее его не только до нескромного именованя себя "апостолом-мучеником революции", но и до совершенно чудовищного вымысла, содержащегося в его одноименной брошюре? И не прав ли в таком случае Альбер Матьез, который, изложив историю с брошюрой об "апостоле, мученике революции", с пафосом восклицает: "Мы знаем теперь, как относиться к "строгости принципов" и "прямоте характера" этого священника, который любит выдавать себя за убежденного и бескорыстного апостола... Ру - хитрый, вдумчивый честолюбец, который в революционной проповеди ищет вовсе не нравственного удовлетворения"¹¹³.

Мы полагаем, что как ни понятен психологически даваемый здесь Матьезом отзыв о Жаке Ру, соглашаться с ним все же не приходится.

Делая из самовосхваления Жака Ру вывод о том, что он просто честолюбец, стремящийся использовать революцию в своих корыстных целях, Матьез явным образом искажает историческую перспективу и рассуждает с точки зрения морали XX, а не XVIII века. Как ни нарушают все наши моральные представления полные самолюбования тирады Жака Ру, нельзя, однако, забывать, что они едва ли противоречат морали революционного демократа конца XVIII века. Вспомним, что подобное же восхваление своих революционных заслуг мы часто встречаем у многих политических деятелей того времени, не исключая "неподкупного" Робеспьера и кристально честных революционеров Марата и Бабёфа. И если в "Апостоле-мученике революции" Жак Ру может быть и хватил через край и зашел несколько дальше, чем другие его современники, то это говорит не столько о его моральной нечистоплотности, сколько о крайней наивности. Вот почему только что отмеченная черта Жака Ру еще ничего не говорит о его аморальности. Недаром тот же Альбер Матьез, наряду с приведенными выше высказываниями, оказывается вместе с тем вынужденным отметить, что "конец Жака Ру напоминает античные смерти, о которых рассказывает Тацит"¹¹⁴.

1. Перипетии тех лет обстоятельно и добросовестно прослежены В.П.Золотаревым. См.: Золотарев В.П. Яков Михайлович Захер (1893-1963) // Новая и новейшая история. 1993. № 4. С. 180-203. [Полный текст этой статьи в нашей библиотеке: http://vive-liberta.narod.ru/journal/zakh_zolot.pdf](http://vive-liberta.narod.ru/journal/zakh_zolot.pdf).

2. Ф.Энгельс - К.Каутскому 20 февр. 1889г.// Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.37. С.126.

3. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.2. С. 588.

4. Rude J. The crowd in the French revolution. Oxford, 1959, passim. В русском переводе см. Дж.Рюде. Французская революция (главы из книги «Народные низы в истории: 1730-1848»).

5. Soboul A. Les sans-culottes parisiens en l' An II. Histoire politique et sociale des sections de Paris, 2 juin - 9 thermidor An II. La Roche-sur-Yon, 1958.

6. Ibid. P.624-625, 645.

7. Aulard A. La societe des Jacobins. Т.5. P., 1895. P.37.

8. Reimpression de l'ancien Moniteur. (далее - Moniteur) Т.16. P., 1847. P.362.

9. Arch.Nat. F7 4756.

10. Подробнее о ней см.: Lacour L. Trois femmes de la Revolution. P., 1900.

11. Moyens de subsiste de la citoyenne Lacombe avant la revolution et apres. (Орфография подлинника). Arch.Nat. F7 4756.

12. Arch.Nat. Т 1001 1-3.

13. Precis de la conduite revolutionnaire d'Anne Pauline Leon, femme Leclerc (Arch.Nat. F7 47749).

14. Ibid.; донос Ле Мосе и других, Arch. Nat. F7 4756.

15. Journal de la Montagne N 22. Цит. по: Lacour L. Op.cit. P.358. В таком же духе высказывается Жак Ру в своей газете. См.: Publiciste de la Republique Francaise par l'ombre de Marat. P., 1793. N 268 P. 7. Bibl.Nat. Lc2 227.

16. Aulard A. Op.cit. Т.5. P.276.

17. Ibid. P.298.

18. Moniteur. T.17. P. 229.
19. Aulard A. Op.cit. T.5. P.314.
20. Journal de la Montagne. 1793. 2 aout. Цит. по: Lacour L. Op.cit. P.373-374.
21. L'Ami du peuple par Leclerc de Lyon.P., 1793. N 7. P.5-6. Bibl. Nat. Lc2 704.
22. Впрочем, хотя вопрос о политическом равноправии был поставлен именно Обществом революционных республиканок, их требованиям в этой области полностью сочувствовали все вожди "бешеных". Не говоря уже о тесно связанном с этим обществом Леклере, и Жак Ру полагал, что "наша победа будет обеспечена, если женщины войдут в среду санкюлотов" (письмо к Пти от 23 августа 1793 г. Arch. Nat. W20). Что же касается Варле, то известно, что именно он являлся одним из руководителей той самой секции Прав человека, от имени гражданок которой выступала делегация в Обществе революционных республиканок. Более того, брошюра с текстом этого выступления была обнаружена среди бумаг Варле во время произведенного у него в сентябре 1793 г. обыска (19 septembre 1793. Copie des proces-verbaux d'apposition et de levee des scelles chez le c. Varlet. Arch.Nat. F7 4775 40). [Материалы о Клер Лакомб: http://vive-liberta.narod.ru/revol_fem/revol_fem_1.htm#CL](http://vive-liberta.narod.ru/revol_fem/revol_fem_1.htm#CL).
23. Archives parlementaires. T.60. P.49-51. Как известно, одним из поводов преследований, начатых якобинцами поздней осенью 1793 г. против так называемых секционных народных обществ, явилось участие в их работе женщин, что якобы противоречило декрету о запрещении чисто женских обществ, принятому Конвентом по докладу Амара. Ср.: Собыль А. Народные общества и парижские секции в 1793-1794 гг. // Новая и новейшая история. 1958. № 4. С.23.
24. Moniteur. T.18. P.450.
25. Discours prononce a societe des citoyennes republicaines revolutionnaires par les citoyennes de la section des Droits de l'Homme. Bibl. Nat. Lb40 2411.
26. Текст этой петиции воспроизведен в № 17 (30 августа) газеты Леклера, а также в Archives parlementaires (T.73. P.56-57) и в уже цитированной книге Лакура (с.384-385). Кроме того, петиция эта была издана в виде отдельной брошюры (Petition des citoyens republicaines revolutionnaires lue a la barre de la Convention Nationale. Bibl. Nat. Lb40 2412. При дальнейшем цитировании мы пользуемся этим последним изданием.
27. Petition. P.1-2, 3.
28. Подробнее об этом см.: Захер Я.М. Жан Варле во время якобинской диктатуры // Новая и новейшая история. 1959. № 2; Он же. Последний период деятельности Жака Ру // Французский ежегодник 1958. М., 1959; Он же. Движение "бешеных". М., 1961.
29. Archives parlementaires. T.72. P.102-104. Как известно, декрет этот был затем оформлен в виде закона 17 сентября 1793 г.
30. Petition. P.1-3. Любопытно, что эти выражения дословно совпадают со словами Жака Ру в № 265 его газеты.
31. Petition. P.3-4.
32. Ibid.
33. Arch.Nat. F7 4756.
34. Ibid.
35. Ibid.
36. Ibid.
37. Aulard A. Op.cit. T.5. P.356.
38. Ibid. P.360.
39. Ibid. P.386.
40. Archives parlementaires. T.78. P.418-419.
41. Ibid. T.74. P.284.
42. Aulard A. Op.cit. T.5. P.284.
43. Moniteur. T.17. P.661.
44. L'Ami du peuple par Leclerc de Lyon. (Paris). 1793. N 17. P.4.
45. Caron P. Paris pendant la terreur. T.1. P., 1910. P.134.
46. Ibid. P.171-172.
47. Moniteur. T.17. P.694-695.
48. Ibid. P.695.
49. Ibid. P.696.

50. Arch.Nat. T 10011-3.
51. Feuille de Salut Public, redigee par une societe de gens de lettres patriotes. (Paris) 1793. N 86 du mardi 24 septembre. P.4. (Arch. Nat. AD XXA. N° 224.).
52. Die Sansculotten von Paris. Dokumente zur Geschichte der Volksbewegung 1793-1794. Berlin, 1957. N 38.
53. Archives parlementaires. T.76. P.170.
54. Ibid. P.190.
55. Ibid. P.191.
56. Aulard A. Op.cit. T.5. P.451.
57. Moniteur. T.18. P.81.
58. Les Revolutions de Paris. P., 1793. N 213.
59. Следует иметь в виду, что к этому времени Жак Ру и Варле были уже арестованы, а Леклер был вынужден прекратить издание своей газеты.
60. Moniteur. T.18. P.290.
61. Ibid. P.299-300.
62. Ibid. P.350.
63. Ibid. P.450-451.
64. Arch.Nat. F7 4756.
65. Arch.Nat. F7 47749.
66. Aulard A. Op.cit. T.5. P.198-199.
67. Petition. P.1-3.
68. Caron P. Op.cit. T.1. P.150.
69. Les Revolutions de Paris. 1791. N 80. P.58.
70. Jacques Roux И Marat. Bibl. Nat. Ln27 18057. Перепечатано в: Annales revolutionnaires. P., 1916. P.530-541.
71. Arch.Nat. W20.
72. Tuetey A. Repertoire general des sources manuscrites de l'histoire de Paris pendant la Revolution Francaise. T.6. N 12.
73. Aulard A. La societe des jacobins. T.3. P.589.
74. Discours sur les moyens de sauver la France et la liberte, prononce dans l'Eglise Metropolitaine de Paris. Par M. Jacques Roux, membre de la Societe des Droits de l'Homme et du Citoyen. A Paris, chez l'auteur. (Bibl.Nat. Lb39 10782).
75. Ibid. P.4.
76. Ibid. P.17.
77. Ibid. P.36-37.
78. См.: Матьез А. Борьба с дороговизной и социальное движение в эпоху террора. М., 1928; Soboul A. Les sans-culottes parisiens en l'An II. Histoire politique et sociale des sections de Paris. 2 juin - 9 thermidor An II. La Roche-sur-Yon, 1958.
79. См.: Захер Я.М. Последний период деятельности Жака Ру // Французский ежегодник. 1958. М.,1959; Он же. Политические и социально-экономические взгляды Жака Ру // Научные доклады высшей школы. Исторические науки. М.,1960. № 1; Он же. Движение "бешеных". М., 1961; Markov W. Robespierrienen und Jacquesroutins // Maximilien Robespierre 1758-1794. В., 1961.
80. Jacques Roux, officier municipal de Paris, electeur du departement, au Sr Joseph Epellet. - Arch.Nat. W20, d.1073 3.
81. Матьез А. Указ.соч. С.261. Прим.1.
82. Markov W. Das Plakat von Jacques Roux gegen Epellet // Zeitschrift fur Geschichtswissenschaft. В., 1962. Jg.10. Н.8. Приношу здесь глубокую благодарность В.Маркову, предоставившему мне возможность ознакомиться с его публикацией до ее напечатания.
83. Zeitschrift fur Geschichtswissenschaft. В., 1962. Jg.10. Н.8. S.1908.
84. Ibid.
85. Ibid. S.1910.
86. Ibid.

87. См.: Jacques Roux и Marat; протокол допроса Жака Ру в августе 1793 г. (Arch.Nat. W20).
88. Tuetey A. Op.cit. Т.7. N 892; Т. 4. N 2461.
89. Письмо это перепечатано М.Мортимером-Терно. См.: Mortimer-Ternaux M. Histoire de la terreur. Т.3. Р., 186-. Р.421.
90. Tuetey A. Op.cit. Т. 5. N 1151, N 1153.
91. Braesh F. La Commune du 10 aout 1792. Р., 1911; Arch. dep. de la Seine. 4 A2 698.
92. Такова, например, фраза, в которой говорится, что "секция не потерпит, чтобы сенаторский деспотизм, более опасный, чем королевский, выковал народу новые цепи" и т.д. См.: Archives parlementaires. Т.72. Р.388.
93. Discours sur le jugement de Louis dernier, sur la poursuite des agioteurs, des accapareurs et des traitres. Bibl. Nat. Lb40 2014.
94. Марат Ж.П. Избранные произведения. Т.3. М., 1956. С.404. В нашей библиотеке см.:
95. Discours sur le jugement de Louis dernier... Р.4-5.
96. Ibid. Р.8-13.
97. Матьез А. Указ.соч. С.106.
98. Tuetey A. Op.cit. Т. 7. N1141, N 1150; Buchez P., Roux P. Histoire parlementaire de la Revolution francaise. Т. 23. Р.343.
99. Биографию Жака Ру см.: Матьез А. Борьба с дороговизной и социальное движение в эпоху террора. М., Л., 1928; Dommanget M. Jacques Roux (le cure rouge) et le manifeste des Enrages. Р., 1948. Захер Я.М. "Бешеные". Л., 1930; Он же. Движение "бешеных". М., 1961. [См. также: Markov W. Jacques Roux oder vom Elend der Biographie. В., 1966; derselbe. Die Freiheiten des Priesters Roux. В., 1967].
100. Русский перевод см.: Марат Ж.П. Избранные произведения. Т.3. М., 1956. С.332-335.
101. Там же. С.333.
102. Jacques Roux И Marat. (Bibl. Nat. Ln27 18057; Arch. Nat. W20). Брошюра перепечатана А.Матьезом. См.: Annales revolutionnaires. Р., 1916. Р.530-541. При цитатах пользуемся этим последним изданием.
103. Ibid. Р. 530. Нельзя не отметить того обстоятельства, что Жак Ру, в своем письме к Марату тщательнейшим образом ответивший на все его обвинения, почему-то обошел молчанием вопрос о фамилии Реноди.
104. Commune de Paris. Departement de police. Ce 23 aout 1793, l'an deuxieme de la Republique Francaise, une et indivisible. Arch. Nat. W20.
105. См.: Матьез А. Указ.соч. С.97.
106. Там же. С.98.
107. Le triomphe des braves parisiens sur les ennemis du bien public. Par M. Jacques Roux, pretre du diocese d'Angouleme, apotre et martyr de la Revolution. Bibl. Nat. Lb39 8638.
108. L'apotre, martyr de la Revolution, ou discours d'un cure patriote, qui vient d'etre assasine par dix-huits aristocrates. (Bibl. Nat. Lb39 5568). Р.1.
109. Ibid. Р. 3.
110. Ibid. Р. 4-21.
111. Матьез А. Указ.соч. С.100-101.
112. Таким образом, Марат, смешавший названия Исси и Массиньи, вместе с тем верил в подлинность истории, изложенной в "Апостоле, мученике революции". Мы уже видели, что весь этот рассказ следует считать апокрифическим.
113. Матьез А. Указ.соч. С.101.
114. Там же. С.275.